

ЯЗЫК. СЕМИОТИКА. КУЛЬТУРА

МАЛАЯ СЕРИЯ

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Б. А. УСПЕНСКИЙ

БОРИС И ГЛЕБ:
ВОСПРИЯТИЕ ИСТОРИИ
В ДРЕВНЕЙ РУСИ

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

ББК 63.3(2)4-3в6
У 77

Успенский Б. А.

У 77 Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 128 с. – (Язык. Семиотика. Культура. Малая серия.)

ISBN 5-7859-0144-7

Настоящая работа продолжает цикл исследований, посвященных восприятию истории в Древней Руси («Historia sub specie semioticae», «Восприятие истории в Древней Руси и доктрина "Москва – Третий Рим"», «Царь и патриарх: Харизма власти в России» и др.).

ББК 63.3(2)4-3в6+80.9

*На обложке книги воспроизведен фрагмент
иконы «Борис и Глеб на конях» (XIV в.)
из собрания Третьяковской галереи.*

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su), only the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-7859-0144-7

© Б. А. Успенский, 2000

ГЛАВА I

Особенность древнерусских паремейных чтений: небиблейские чтения о Борисе и Глебе

1. Восприятие истории в Средние века в значительной мере определялось знакомством с библейскими текстами: происходящие или произошедшие события воспринимались как значимые постольку, поскольку они соотносились с сакральными образцами — прежде всего с библейскими событиями (см.: Пиккио, 1973; Успенский, 1987, с. 55—57; Успенский, 1996, с. 465 и сл.; [= Успенский, I, с. 84 и сл.]). Чем яснее, выразительнее было это соотношение, тем значимее представляли события; в предельных случаях могло иметь место непосредственное отождествление тех или иных событий или явлений с библейскими прообразами.

Библия, можно сказать, служила моделью восприятия мира, она задавала парадигму его прочтения: соотношение с библейскими событиями определяло вообще достоверность, подлинность происходившего. И напротив, то, что не находило соответствия в священных текстах, воспринималось как незначительное или вовсе не замечалось, т. е. выпадало из культурного сознания.

Древнерусский человек был знаком с Библией главным образом по церковной службе. Это в особенности относится к Ветхому Завету: если евангельский текст, например, был представлен как в служебных книгах (апракосах), так и в четьих (четвероевангелиях), то Ветхий Завет (за исключением Псалтыри, а также от-

дельных текстов, дошедших в составе толкований на библейские книги) был известен — по крайней мере до XV в. — лишь постольку, поскольку он читался во время богослужения¹.

Отрывки из Ветхого Завета, читающиеся в церкви (а именно — в навечерие, накануне праздника, а также в дни Великого поста), носят название «паремий» или «паримий»²; при этом в канун праздника обычно положены три паремейных чтения. Помимо паремий, приуроченных к определенной календарной дате, были также общие (типовые) паремьи для службы святому того или иного типа (например, паремьи мученику, преподобному, апостолу и т. п.); а также паремьи на особые случаи (например, при молебствии о ведре, при нашествии воинском и т. п.); таким образом, при отсутствии специальных указаний на то, какие паремейные чтения должны читаться данному святому, при богослужении могли применяться общие паремьи, исходящие из подразделения святых на определенные разновидности.

Паремейные чтения объединялись в книгу, называемую «Паремейником» или «Паримейником»³. Паремейник вообще представляет собой сборник чтений из Св. Писания, почти исключительно ветхозаветных⁴. Существенно при этом, что паремьи — это единственный вид чтений (если не считать Псалтыри), последовательно (а не в виде цитат) воспроизводящий ветхозаветные библейские тексты; тем самым Паремейник может непосредственно ассоциироваться с Ветхим Заветом.

Соответственно, Паремейник мог называться «книгой Бытия» — по первой книге Ветхого Завета. Так, в Высоцком (или Стефановском) паремейнике XIV в. (ГБЛ, Рум. 303) на последнем листе встречаем запись, сделанную позднейшим почерком: «Сия книга гл[аго]лемая бытия...». Это название становится понятным, если иметь в виду, что Паремейник обычно начинался чтением на канун Рождества Христова из

первой главы книги Бытия, ср. начало Паремейника Высоцкого монастыря: «паремья о б[о]зѣ начинаем от быт[и]я...» (ГБЛ, Рум. 303, л. 1; Востоков, 1842, с. 426—427).

С известным приближением можно сказать вообще, что Паремейник — это не что иное, как Ветхий Завет в его богослужебной версии, иными словами, собрание текстов Ветхого Завета, вошедших в церковную службу. Что касается чтений новозаветных, то они в паремейниках встречаются крайне редко — как правило, только на праздники апостолам⁵.

Паремейник — переводной памятник, оригиналом которого является греческий лексиконарий, известный под именем «профитология» (проφητολόγιον). В свое время этот памятник мог также называться παροιμιαρίον (см.: Шиваров, 1988, с. 53; ср. также: Киас, 1955, с. 374; Киас, 1971, с. 93, примеч. 2; Киас, 1985, с. 89, примеч. 3) — именно это название и отразилось в славянской традиции. Если название проφητολόγιον образовано от проφήτεια «пророчество», то слово παροιμιαρίον представляет собой производное от παροιμία «притча».

Обыкновенно полагают, что слово «паремейник» (παροιμιαρίον) отражает особое значение книги Притчей Соломоновых в составе этих чтений (см., например: Алексеев, III, с. 204; Богосл. сл., II, стлб. 1909; Мещерский, 1978, с. 38; Алексеев и Лихачева, 1987, с. 72): при этом подразумевается, что притчи царя Соломона как средоточие мудрости Ветхого Завета прообразовательно соотносятся с притчами Христа в Новом Завете. Другие исследователи, однако, не связывают название «паремья» с библейской книгой Притчей, а придают ему общее значение нравоучения, нравоучительного высказывания⁶. Равным образом, и слово проφήτεια, к которому восходит название «профитологий» (проφητολόγιον), могло, видимо, означать не только пророчество, но и выступать в более общем зна-

чении библейского нравоучительного чтения, отвечающем значению славянского «паремья»⁷.

Древнейшим славянским списком Паремейника принято считать так называемый «Григоровичев паремейник» (ГБЛ, Григ. 2/М. 1685; см. издания: Брандт, I—III; Рибарова и Хауптова, 1998; описание: Св. кат., 1984, с. 175—177, № 161); он относится к концу XII — началу XIII в. и имеет болгарское происхождение⁸. Древнейшим русским списком является Паремейник собрания Синодальной типографии (бывшей патриаршей Типографской библиотеки) XII—XIII в. (ЦГАДА, Типогр. 50; см. описание: Князевская, 1993); не исключено, что эта рукопись является вообще древнейшим славянским паремейником, т. е. она может быть старше Григоровичева паремейника (см.: Князевская, 1993, с. 34). Старший датированный паремейник — «Захарьинский паремейник», написанный в Новгороде в 1271 г. (ГПБ, Q. п. I. 13; см. описание: Св. кат., 1984, с. 205—206, № 181; Михайлов, 1912, с. XCVI)⁹.

Помимо Паремейника, паремейные чтения находятся в составе Миней, а также Триодей, Трефологов (т. е. избранных служб святым) и разного рода богослужебных сборников. Если паремьи, предназначенные для календарных праздников, помещались в Служебных Минеях, то общие паремейные чтения были представлены в Общей Минее¹⁰.

С XIV в. паремейные чтения на Руси стали включаться в состав Триоди и Миней (у южных славян этот процесс начинается раньше, а именно с XII в.), и с XVII в. Паремейник как отдельная книга выходит из употребления.

2. Сказанное в общем достаточно хорошо известно и не заслуживало бы напоминания, если бы не одна особенность русских паремейных чтений, делающая их предметом специального интереса.

Наряду с библейскими текстами, русские паремейники, а также другие богослужебные книги, включающие в себя паремейные чтения, содержат особые небиблейские чтения о Борисе и Глебе (*Приложение I*)¹¹. Наиболее ранней из известных книг такого рода является уже упомянутый выше Захарьинский паремейник (ГПБ, Q. п. I. 13, л. 256—260)¹². Эти паремейные чтения входили обычно в состав службы 24 июля (день убиения Бориса); они же могли читаться и в другие праздники Борису и Глебу, прежде всего на службе 2 мая (день перенесения мощей Бориса и Глеба)¹³; прочие праздники были менее значимыми, и в богослужебных рукописях, как правило, отсутствуют указания на паремейные чтения в соответствующие дни; тем не менее, в принципе чтение паремий было возможно и в этих случаях, даже если оно и не было повсеместно принятым¹⁴.

Таким образом, в корпус библейских книг (по преимуществу ветхозаветных чтений) неожиданным образом оказываются включенными тексты, посвященные вполне конкретным событиям русской истории. При этом каждая из таких паремий имела, как правило, заголовок «От Бытия чтение» (или: «От Бытия»), что, по видимому, должно указывать на ассоциацию соответствующего текста с библейской книгой Бытия. В отдельных случаях наряду с названием «От Бытия (чтение)» встречается также название «От Притч (чтение)» (см.: Голубинский, I/2, с. 513; Кравецкий, 1991, с. 42), что, опять-таки, указывает на ассоциацию с Библией¹⁵. Это последнее наименование может быть связано с исходной двусмысленностью слова «паремья»: по всей вероятности, оно объясняется тем обстоятельством, что слово «паремья», буквально означающее притчу (ср. греч. *παροιμία* «притча»), могло выступать также в более общем значении библейского нравоучительного чтения (см. выше)¹⁶.

Эти паремейные чтения были приняты до XVII в. (когда выходит из употребления и сама книга Паремей-

мейник): они спорадически встречаются еще в рукописях XVII в., однако их нет уже в старопечатных богослужебных книгах; тем самым, они отсутствуют и у старообрядцев, которые ориентируются на старопечатные дониконовские издания. При этом книги, в которых могли бы появиться такие чтения (служебные Минеи и Трефологи), начинают печататься лишь во второй четверти XVII в.; первыми такими изданиями являются служебные Минеи, вышедшие в Москве при патриархе Филарете¹⁷. Поскольку интересующих нас чтений нет ни в этих, ни в последующих старопечатных изданиях (вместо них указаны обычные мученические паремьи, см. ниже), правомерно предположить, что они были изъяты в результате исправления богослужебных книг под руководством Дионисия Зобнинского, архимандрита Троице-Сергиева монастыря, в 1615—1618 гг. (см. вообще об этом исправлении: Казанский, 1848; Исправление..., 1862; Макарий, VI, с. 114 и сл.; Сворцов, 1890, с. 175—291)¹⁸.

Вместе с тем небиблейские по своему происхождению паремейные чтения Борису и Глебу, содержащие рассказ о событиях русской истории, оказались вновь включенными (под 2 мая) в недавнее издание майской Минеи, вышедшее в издательстве Московской патриархии (см.: Минея майская, 1987, I, с. 100—104). Это объясняется тем, что составители Минеи не ограничились воспроизведением предшествующего (дореволюционного) издания, но произвели определенную текстологическую работу, постаравшись в какой-то мере учесть и рукописную традицию; соответственно, в новое издание Минеи попала служба Борису и Глебу, представленная в древних рукописях, но отсутствующая в печатных изданиях богослужебных книг (см.: Кравецкий, 1999, с. 131—132)¹⁹. В результате — парадоксальным образом — соответствующие чтения оказались возможными у новообрядцев при том, что у старообрядцев они не приняты. Замечательно, что, восстановив в Минеях небиблейские паремейные чте-